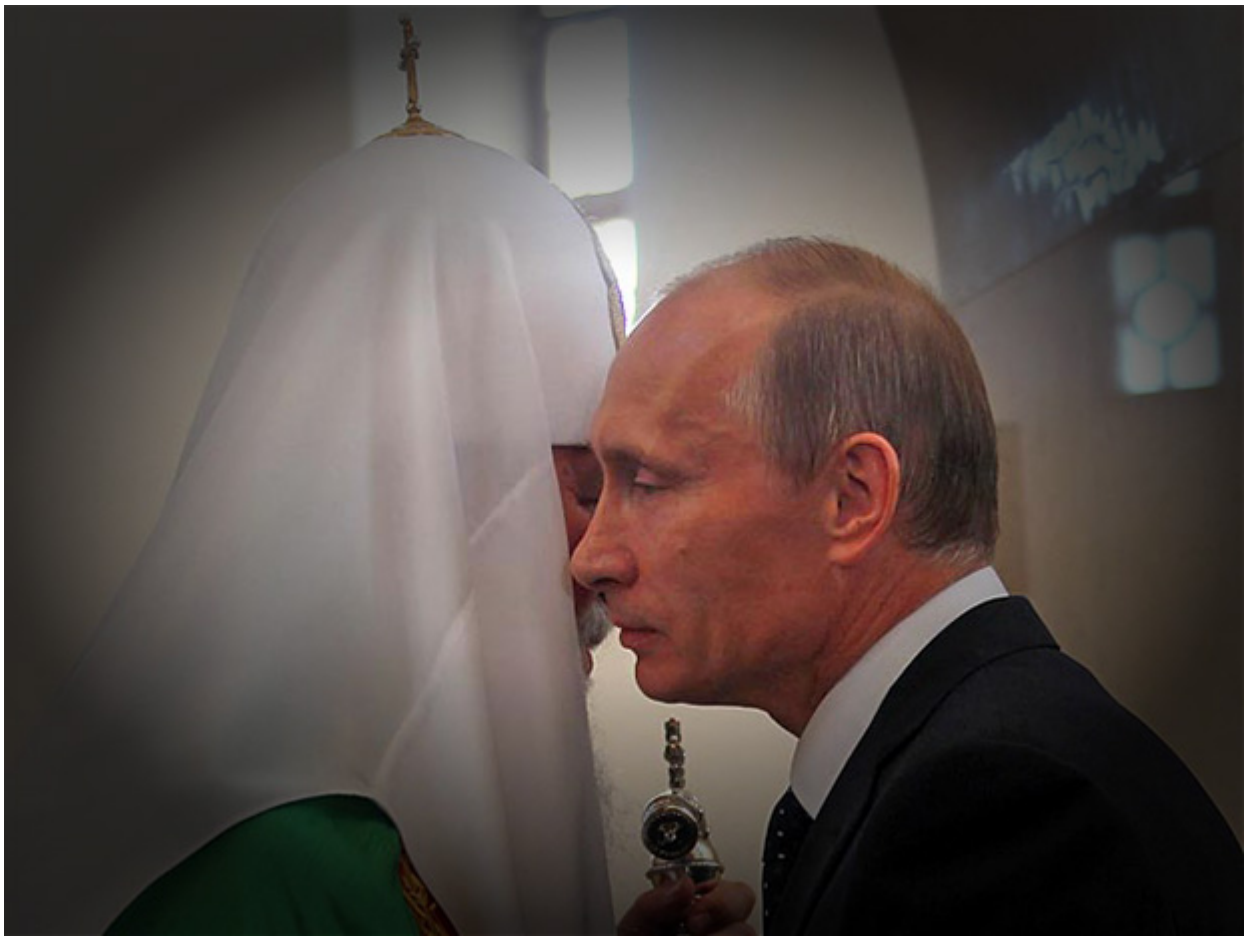
Кристиан Густафсон

ЗАЩИЩАЯ НОВЫЙ РИМ

Византийское влияние на российскую разведку



Глава из книги: Philip H. J. Davies and Kristian C. Gustafson (editors), «Intelligence Elsewhere. Spies and Espionage Outside the Anglosphere». 2013.

«Представляя себе мысленно византизм, мы, напротив того, видим перед собою как бы строгий, ясный план обширного и поместительного здания. Мы знаем, например, что византизм в государстве значит — самодержавие. В религии он значит христианство с определенными чертами, отличающими его от западных церквей, от ересей и расколов. В нравственном мире мы знаем, что византий-ский идеал не имеет того высокого и во многих случаях крайне преувеличенно-

го понятия о земной личности человеческой, которое внесено в историю германским феодализмом; знаем наклонность византийского нравственного идеала к разочарованию во всем земном, в счастье, в устойчивости нашей собственной чистоты, в способности нашей к полному нравственному совершенству здесь, долу. Знаем, что византизм (как и вообще христианство) отвергает всякую надежду на всеобщее благоденствие народов; что он есть сильнейшая антитеза идее всечеловечества в смысле земного всеравенства, земной всесвободы, земного всесовершенства и вседовольства».

Константин Леонтьев, «Византизм и славянство», 1875

Одной из великих надежд последнего поколения была надежда на то, что Россия, стоит лишь ей освободиться от пут коммунизма, вольется в семью наций как равноправное, свободное и демократическое государство. Развитие России после распада СССР, конечно, пошло не так, как некоторые могли ожидать. Как прокомментировал Дмитрий Оболенский: «В нынешней России есть много того, что кажется незнакомым и ставящим в тупик современного западного наблюдателя – идеи, учреждения и методы правительства, которые противоречат основным тенденциям его собственной культуры». (1) С экономическим и демографическим коллапсом, за которым последовал бум, и с прогрессом демократии, который временами был сомнительным, ранние надежды 1991 года давно потускнели, и их сменило понимание того, что Россия никогда не станет зеркальным отражением какого-либо западного государства. Хотя Россия, вероятно, уже прошла свои самые худшие времена, во многих отношениях она представляется многим на Западе не как надежный партнер, а все еще как потенциальный противник. Некоторые определяют это положение как «Новую Холодную войну» (2) Одной из причин, вызывающих особую озабоченность на Западе, является поведение российских служб безопасности и их связь с центральной властью государства.

Понятно, что службы госбезопасности сегодняшней России являются такими же критически важными и центральными, какими они были при коммунизме. Аналитик одного американского «мозгового центра» однажды назвал Россию «государством, которое определяют и в котором доминируют бывшие и нынешние кадровые офицеры служб госбезопасности и разведки». (3) Один российский исследователь заметил, что у более чем 25% членов нынешнего российского правительства прошлое связано либо с военной областью, либо со службами госбезопасности, включая президента Владимира Путина как бывшего офицера КГБ и ФСБ. (4) Ряд мыслителей задавали вопрос: были ли после распада СССР

какие-то реальные изменения в управлении Россией и ее секретными службами? (5) Как комментировала Эми Найт в середине 1990-х, в службах безопасности произошли косметические изменения, но, по сути, они остались теми же структурами, потому что «Лубянка все еще стоит, и, хотя внутри нее в руководстве произошли изменения, долгожданная реформа службы безопасности все еще так и не состоялась. На самом деле к августу 1995 службы безопасности восстановили значительную часть своих полномочий и влияния, утраченных ими после Августовского путча 1991 года». (6) Часть ответа на вопрос «почему русские не изменили в существенной степени свое поведение после конца коммунизма» – на самом деле, вопроса, который проходит через всю работу Эми Найт и, позднее, также Эдварда Лукаса – можно найти в высказывании, что политическое поведение России с 1917 по 1991 годы казалось Западу необычным не потому, что оно было коммунистическим, а потому, что оно было *русским.* В соответствии с этим, если мы хотим сегодня понять политическое поведение России, мы должны понять его культурные корни. Политические традиции России не развились из Ренессанса и Реформации, как в Европе, или до этого – из традиций Древнего Рима. Скорее русские традиции происходят из источника, в значительной мере позабытого на Западе – Византийской империи.

Вы можете лучше понять культуру служб безопасности и разведки России – в отличие от специфических коммунистических и посткоммунистических культур, если вы проследите их общие философские и исторические корни до момента их возникновения, между тысячей и пятьюстами годами назад в Константинополе и его империи, долговечном восточном наследнике Римской империи. Византийцы располагали сильно бюрократизированной и институционализированной культурой разведки и безопасности, которая сформировала сердце ее общей политической системы, и которая оказала сильное влияние на поведение царской и коммунистической России – и, судя по всему, все еще влияет на ее поведение и теперь. «Не может быть сомнений, – писал русский византинист Дмитрий Оболенский, «что влияние Византии на русскую историю и культуру было глубже и долговременнее, чем влияние тюрко-монгольских орд, и более однородным, чем влияние современного Запада». (7) Поэтому понимание культуры безопасности Византии может даже сегодня помочь понять российскую культуру безопасности. Как мы уже отмечали в этом сборнике, культура, если и не может подсказать, *что* люди будут делать, но она может подсказать, *как* они будут это делать.

Византийский след в российской политической культуре

Русские цари считали свое государство законным и прямым политическим преемником Византийской империи. Как писал родившийся в России выдающийся историк Византии Георгий Острогорский в своем фундаментальном труде «История Византийского государства»:

«Иван III, великий освободитель и собиратель русских земель, женился на дочери деспота Фомы Палеолога, племяннице последнего императора Византии. Он включил в свой герб византийского двуглавого орла, ввел в Московии византийский церемониал и вскоре сделал Россию лидером Христианского Востока, коим когда-то была Византия. Россия стала очевидной наследницей Византии и переняла от Константинополя римские концепции в их византийской форме: если Константинополь был Новым Римом, то Москва стала «Третьим Римом». Великая традиция Византии, ее вера, ее политические идеи, ее духовность, прожили еще века в Российской империи». (8)

Можно ли полностью согласиться со специфической точкой зрения Острогорского – и многие с нею не согласны – не столь важно, потому что то, что мы видим в России на протяжении первой Российской империи (автор здесь имеет в виду Россию до Петра Первого – прим. перев.), является подражанием византийским нормам, и, в особенности, византийскому политическому мышлению, каковы бы ни были мотивы этого. (9). Ключевые аспекты этого мышления включают близкую связь Церкви и государства, до такой степени, которая никогда не была известна в западных традициях вокруг Рима, когда цари в Москве воспринимали себя «преемниками византийских императоров и представителями Бога на земле». (10) Эту дуалистическую теорию современные теоретики называют цезаропапизмом: политической комбинацией мирского и духовного контроля в руках сильно централизованного или деспотического главы государства. (11) Эта политическая идея часто была воспринята в «Византийском содружестве» (упрощенно говоря – нынешний православный мир), и потому нет почти ничего удивительного в том, что византийское духовенство смогло распространить эту идею во время обращения в православное христианство славянского мира, «так как византийцы смотрели на эту доктрину как на особо выгодный экспорт». (12) В конечном счете, она указывала всем новообращенным направление на Священный город Константинополь, и, тем самым, на власть их патриарха и их императора. (13)

На протяжении их пересекающегося по времени существования русские твердо оставались верны религиозному лидерству Константинополя, «второго Иерусалима», и их патриархи назначались патриархом Константинополя почти до конца существования империи. Только когда турки захватили Константинополь в 1453 году, русские приняли мантию как мирских, так и духовных преемников империи, Киев, а потом Москва взяли на себя лидерство в православном мире (по их представлению, не по представлению Константинопольского Патриарха). Советские ученые И.М. Лотман и Б.А. Успенский комментировали так: «характерно то, что идея Москвы как Третьего Рима, могла бы очень быстро трансформироваться в идею Москвы как Третьего Иерусалима», следствием чего было то, что Россия, как Византия, ощущала в себе вселенское право и долг распространять всему прочему миру Правильную Веру (что и означает греческое слово «ортодоксия»). (14) Политический теоретик второй половины девятнадцатого века Константин Леонтьев использовал термин «византийство» в позитивном смысле, описывая то общество, которое Российская Империя должна была противопоставить «вырожденческому» влиянию Запада. Леонтьев восхвалял Византийскую империю и царское самодержавие как общества с политической системой, включавшей в себя авторитарную власть монарха и благочестивых последователей русской православной церкви. (15) Некоторые ученые указывали на следы этого, сохранившиеся в коммунистической империи Советов, сменившей Российскую империю. Оболенский говорит, что «трудно избавиться от впечатления, что есть, как минимум, что-то общее между религиозным мессианством Второго и Третьего Рима и верой русских коммунистов в исключительную правду марксистского евангелия, бессмертно сохраняемого в собрании сочинений Маркса». (16)

Джон Дзиак, исследователь системы советской госбезопасности, заметил, что в Советском Союзе можно было увидеть что-то напоминающее идею Христианской империи, но только христианство было заменено альтернативной идеологией: «В определенном смысле родилась светская теократия (партия), которой служила комбинированная священная канцелярия и дворцовая гвардия (Чека), стремящаяся исполнить свою волю». (17) Тойнби видел в наследии византийской политической теории семена тоталитаризма в России и в СССР. (18)

Современная Россия, разумеется, это не модернизированный симулякр Византии, такое сравнение было бы слишком натянутым, игнорирующим многие другие влияния, восточные, западные и местные, которые оказывались на Россию после крушения Византии и ее «содружества». (19) Эта глава хочет произвести сравнение в более ограниченном масштабе, концентрируясь преимущественно на византийской культуре разведки и безопасности. Если мы хотим разглядеть,

есть ли какие-то видимые или важные остатки византийской культуры безопасности и разведки, сохранившиеся в современной России, то мы сначала должны определить, какой была эта византийская культура.

Мы можем, однако, указать на значительное количество случаев, заставивших многих комментаторов говорить о том, что посткоммунистическая Россия по своему устройству очень похожа на СССР до нее: автократия Путина и его постоянное пребывание попеременно во главе государства или правительства, очень несовершенные выборы и цензура прессы, поведение России в Чечне и Грузии, иногда смертельное обращение с политическими критиками режима внутри страны и за рубежом, и даже преследование неправославных религиозных групп. (20) Можно принять конструктивистскую точку зрения, что политическая *культура* России больше ее конкретной политической *идеологии* – будь то имперская, коммунистическая или официально федеральная и демократическая идеология – и что именно эта культура оказывает самое большое влияние на то, как государство обращается с такими предметами как безопасность.

Византийская культура разведки и безопасности

Византийская империя сама по себе была прямым политическим наследником Римской империи («византийский», в действительности, это современный термин, а эти люди в то время думали о себе и называли себя «римлянами», «ромеями»). На самом деле у ученых нет единого мнения о том, когда именно в империи закончился «римский», и начался «византийский» период. Иногда называют 324 год (основание Константинополя), иногда 395 (год смерти Феодосия I). Византийцы прожили поблизости того, что большинство представляет себе как классическую Римскую империю ее города-эпонима, примерно одно трудное столетие, после чего продолжили свое развитие из этой точки, постепенно став политическим единством sui generis, с политически централизованными органами власти римлян, наложившимися на религиозную/идеологическую мантию православного христианства.

Корни этой политической системы, мы должны помнить, ясно происходят из наследия Римской империи. Ролью правительства в Риме было обеспечивать безопасность политического порядка. В Византии мы видим добавление христианского Бога и его близкой ассоциации с императором, позволяющей новую теорию о том, «что целью действия любого рода было способствовать бесперебойной работе государственной машины, империи Милостью Божьей». (21) Поэтому инфраструктура государства была в основном предназначена для того,

что мы бы сейчас назвали безопасностью, особенно безопасностью Бога через персону императора – не напрямую для благополучия граждан. Современный эквивалент этого можно поискать в том, что Дзиак называет «контрразведывательным государством». (22) Он описывает это как систему, которая показывает «всеохватывающую обеспокоенность «врагами», как внутренними, так и внешними. Безопасность и истребление реальных и предполагаемых угроз становится главной функцией такой системы». (23) Фиксация на безопасности, как он описывает ее, требует, чтобы «все общественные институты» были построены в целях безопасности. В этой структуре, говорит он, «служба безопасности является главным стражем партии, обе они вместе образуют постоянное контрразведывательное учреждение, которому подчиняются все другие основные политические, экономические и социальные вопросы». (24) Если заменить слово «церковь» словом «партия», описание Дзиаком советского государства при сравнении удивительно хорошо подходит и для описания структур византийского государства.

Существование Византии всегда было шатким. Она была единственным самым крупным политическим субъектом в Средиземноморье на протяжении большей части периода с девятого по двенадцатый век, и была, несомненно, самой богатой страной, как минимум, до конца двенадцатого века. У нее не было надежных постоянных союзников, зато были все время появляющиеся новые голодные соперники, такие как лангобарды, норманны, болгары и турки, стремившиеся поживиться ее богатствами. На протяжении 1100 лет своего существования Византия была почти постоянно в состоянии войны, и на ее взгляды на разведку повлияло и то, что ни одному чужаку (т.е. не православному, а позднее, не говорящему на греческом языке) нельзя было доверять. Действительно можно утверждать, что византийцы рассматривали войну как естественное состояние, тогда как мир был отклонением, совсем не так, как сегодня думают об этом на Западе. Больше того, византийцы знали, что война дорога и опасна. Как писал Джон Холдон, представление византийцев о самих себе состояло в том, что они были «осажденным христианским государством, сражавшимся с силами тьмы, с врагами, с которыми они всегда должны быть начеку». (26) Этот склад ума – с постоянным, опасным, дорогостоящим конфликтом – естественно, направил мысли византийцев на то, как избежать войны вопреки ее повсеместности. (27) Как продолжает Холдон, византийцы стремились «развернуть целую совокупность защитных приемов и методов, среди которых собственно военные действия были лишь одним элементом, и вовсе не обязательно самым полезным». (28) Разведка, тайные операции, обман, и «подмазанная» золотом дипломатия были поэтому естественным убежищем государства, стремившегося справиться с опасностями Богу и императору, подстерегавшими за каждой границей.

Короче, Византия была параноиком – и не без причин. В Константинополе вся государственная машина была настроена на безопасность. Государственная инфраструктура служила для облегчения перемещения войск и развединформации, которая была сигналом к их развертыванию, все чиновники государства – внутренние и внешние, центральные и провинциальные – имели своим главным долгом определение противника и его уничтожение, и православная церковь, источник религиозной легитимности императора играла центральную роль в безопасности государства через настоящий сбор разведывательных данных, как и через сильное дипломатическое присутствие за рубежом. Как и в описании Дзиаком СССР, в византийском мире все органы государства были сконструированы скорее в целях самосохранения государства, а не ради благосостояния подданных. (29) Детальное рассмотрение этой инфраструктуры поможет понять ее повсеместное распространение в средневековом государстве.

Частью инфраструктуры безопасности была унаследованная византийцами от их римских предшественников почтовая система. Историк шестого века Прокопий в своей «Тайной истории» пишет: «В прежние времена римские автократоры, заботясь о том, чтобы их извещали обо всем как можно быстрее и чтобы все передавалось без промедления, касается ли дело того, что учиняют враги в какой-то отдельной области, или восстаний в городах, или другой непредвиденной беды, или того, что повсюду в Римской державе совершается начальствующими лицами, да и всеми прочими, а также, наконец, заботясь о том, чтобы те, кто пересылает им ежегодные подати, могли делать это безопасно, без промедления и риска, повсюду устроили скорое почтовое сообщение следующим образом». (30) Если современным западным людям сказать, что почтовая система их государства существует, прежде всего, для того, чтобы шпионить за внешними врагами, губернаторами и просто гражданами, то у них это вызовет некоторую озабоченность, но эта система была естественным следствием стратегического и политического окружения, в котором существовало это государство и которое было причиной его развитой государственной системы. Как система, предназначенная для целей безопасности и разведки, не должно быть откровением, что люди, работавшие на почте, были в свою очередь чиновниками службы безопасности, «agentes in rebus» (буквально «агенты для вещей», вероятно, лучший перевод «агенты для разных обстоятельств», «агенты общего назначения»). Их функции включали надзор за дорогами и ночлегами для «cursus publicus», курьеров, доставлявших письма, и удостоверение того, что путешественник вез правильное предписание («evectio») для своей миссии (cursus). Другие задачи «agentes» включали контроль провинциальных губернаторов, некоторые агенты, «curiosi», были направлены как инспекторы и действовали в качестве своего рода тайной полиции, докладывавшей императору. (31) Они в случае

необходимости использовались также для надзора за арестом крупных чиновников, руководили отправкой видных римлян в ссылку, и даже помогали во внедрении правительственных регуляций церкви – необходимость в цезаропапистском государстве.

Государственная почта была частью большей структуры внутренней безопасности. В десятом веке великий гетериарх, или капитан одного из подразделений дворцовой стражи, стал главным чиновником, ответственным за защиту императора от заговоров. (33) Можно предположить, что один из этих чиновников «сразу же» проинформировал императора Алексея I Комнина о заговоре сенаторов и военных против него в 1083, заговоре офицеров в 1091, заговоре аристократов в 1094, и о полудюжине других заговоров. (34) Византийская история печально знаменита бесконечным циклом заговоров – и даже само слово «византийство» стало нарицательным из-за этого. Летописец тех времен Михаил Пселл описывает около девятнадцати разных серьезных заговоров с 976 по 1081 годы. И при чтении различных византийских текстов можно увидеть, как часто эти заговоры были сорваны, часто из-за того, что летописцы описывают просто как информация «некоего крестьянина», возможно, «священника» или просто «кого-то». (35)

В общем и целом, Византия сильно напоминает «контрразведывательное государство» Дзиака, где люди постоянно ищут заговоры, которые, как предполагается, являются повсеместными – а в случае Константинополя они как раз и были таковыми. Должность византийского императора была опасной: с 395 по 1453 в Византии было 107 императоров, в среднем на троне каждый пребывал десять лет. Только 34 из них умерли своей смертью. Пселл вспоминает советы, данные великому императору-воину Василию II (который потом обратил славян Киевской Руси в христианство и заложил великие отношения между византийцами и русскими) Вардой Склиром, позднее пытавшимся его свергнуть: «Затем, обращаясь к Склиру как к военачальнику, он [Василий II] задал вопрос относительно государственных дел и спросил, каким образом сохранить ему незыблемым свое владычество, а тот в ответ высказал мысль коварную и недостойную полководца, а именно: упразднить пышные должности, никому из воинского сословия не давать богатства, но обирать их с помощью незаконных налогов, чтобы их мысли были заняты одними домашними делами, не вводить во дворец женщину, не подпускать к себе никого близко и не посвящать сразу многих людей в тайные замыслы». (36)

Можно подумать, что эти слова произнес сам Сталин. Мы можем предположить, что Алексей I, основатель династии Комнинов, руководил большой сетью аген-

тов, которые должны были защитить его царствование. Что касается заговоров, то такие фразы как «император, однако, узнал об этом» или «у него была надежная информация» от «многих информаторов», часто встречаются в «Alexiad». На самом деле Анна Комнина в своей «Алексиаде» часто упоминает об этом, чтобы показать проницательность своего отца, сумевшего победить врагов государства с помощью лучшей информированности. Провинциальный чиновник одиннадцатого века Кекавмен дает в своем «Стратегиконе» следующий совет: «Если ты услышишь об обвинениях твоего чиновника в том, что он готовит заговор против императора, не храни это зло в тайне в душе своей и не намеревайся тайно уничтожить его. Вместо этого проведи тщательное расследование, вначале храня его в секрете. Но если ты потом раскроешь правду, обвинение против него должно быть сделано открыто». Если же не удастся собрать все доказательства с достаточным умением, текст (в нем есть пропуски) говорит: «Тогда ты сделаешь его своим врагом и многих других из-за него». (38) Быть достаточно умелым, чтобы выкорчевать и осудить заговорщиков – это было важной социальной и практической добродетелью в Византии. Здравомыслящий византийский правитель, предполагает Кекавмен, никогда не доверяет мотивации своих чиновников и всегда работает над тем, чтобы защититься от их заговоров. Мы должны добавить, что это не уникально византийский взгляд на Византию: крестоносцы, которые вошли в контакт с Империей, почти единодушно видели в византийцах вероломных, предательских и ненадежных людей и считали, что из-за этого те в недостаточной степени были настоящими мужчинами. (30)

Вернемся к официальным структурам безопасности государства, которые помогали таким императорам как Василий II и Алексей I так долго сидеть на троне. Когда Византийская империя прошла почти фатальный для нее кризис арабского завоевания седьмого-восьмого веков, развилась администрация почтовой системы, ее старший чиновник стал старшим министром и главным советником императора, пока в двенадцатом веке его не сменил «логофет секретона» (офисов или бюро), (Великий логофет), должность, подобная посту «главного секретаря», который занимал в шестнадцатом веке в Англии сэр Френсис Уолсингем у королевы Елизаветы I. (40) Таким образом, практически дороги и почта – разведывательная инфраструктура – управлялись в Византии должностью, самой близкой к совмещенной должности премьер-министра и министра иностранных дел, что показывает важность безопасности и сбора развединформации в управлении государством. Но для наших целей интереснее то, что группировалось административно с или поблизости от Scrinium Barbarorum или Бюро Варваров.

То, что Бюро Варваров ошибочно считают разведслужбой, как делали многие, выдает типично западный склад ума: то, что такие функции доверяются одному единственному учреждению, тогда как в Константинополе сбором информации о безопасности занималась большая часть правительства. (41) Как бы то ни было, Бюро было создано в пятом веке, и оно было впервые упомянуто в Конституции Феодосия II. Оно все еще существовало во времена Филофея в десятом столетии, и, как предположил Дж. М. Бьюри, предназначалось для того, чтобы «осуществлять наблюдение за всеми иностранцами, посещающими Константинополь». (43) Хотя на поверхностный взгляд это было бюро протокола, главная обязанность которого состояла в гарантировании того, чтобы об иностранных представителях должным образом заботились, и оно получало достаточные государственные фонды для их обслуживания и содержало всех государственных переводчиков – у него, очевидно, была также функция безопасности. В анонимном труде шестого века «О стратегии», хотя и без прямой ассоциации с Бюро Варваров, содержится совет об иностранных посольствах и посланниках, который, без сомнения, разделялся Бюро: «[Посланники], которых посылают нам, должны быть приняты честно и великодушно, поскольку все обращаются с посланниками с глубоким уважением. Но сопровождающих их лиц, однако, нужно держать под наблюдением, чтобы помешать им получать любую информацию, задавая вопросы нашим людям». (44) Это и было, вероятно, той работой, которой занималось Бюро. Итальянский посол двенадцатого века в Византии епископ Лиудпранд Кремонский, брызжет ядом на своих греческих «нянек», которые, как он точно почувствовал, были скорее его тюремщиками, а не защитниками. (45) Мы знаем, что такая слежка время от времени терпела неудачу; арабский заложник Аль-Джарми отослал назад к калифам Дамаска подробное описание структуры, боевого состава и дислокации византийский армии в 845 году. (46)

Византийцы хорошо знали, что посольства и посланники одинаково хорошо используются как для разведывательных целей, так и для дипломатических, что первое на самом деле было предварительным условием для последнего. (47) Потому многие византийские тексты говорят о роли посланников и о том, как их следует отбирать и обучать, причем приоритетом являются принадлежность к православной религии и надежность: «Посланники, которых мы отсылаем, должны быть мужами, у которых есть репутация религиозных людей, кто никогда не был приговорен или публично осужден за какое-либо преступление». (48) Та же работа подчеркивает, что посланник должен уметь скрывать римские намерения и лгать о них, а не выдавать слишком много о намерениях империи, если он неожиданно узнает, что принимающее его государство является недружественным. Феофан предлагает пример Даниила Синопского, посланника, от-

правленного к сирийскому эмиру Валиду на самом деле не для того, чтобы обсуждать условия, но, «чтобы сделать точную проверку движения арабов против ромеев, и их сил». (49) Прежде всего, посланник должен был там защищать безопасность императора (и, таким образом, империи) любым способом, каким мог. Как отмечает Брейе: «Прежде всего, в отношениях с прочными государствами, сила которых могла стать угрозой Константинополю, имперская дипломатия должна была развернуть все свои ресурсы, внимательно следя за их внутренней политикой и собирая сведения об их силах, в эпоху, когда идея постоянных посольств еще не существовала. Благодаря своим сильным традициям и умению обнаруживать слабые места своих врагов, [византийские дипломаты] несколько раз спасали само существование Империи, в тех случаях, когда информация оказывалась более выгодной, чем военная сила». (50)

Для византийцев дипломатия была служанкой разведки, и разведка была щитом государства. Похоже, что государства в пределах сферы интересов Византии это хорошо понимали. Принимая византийского посланника в десятом веке, каган среднеазиатских тюрков спросил: «Вы не из тех ромеев, у которых десять языков и один обман?» (51)

Церковь, как и дипломаты, всегда была потенциальным источником разведывательной информации для византийцев. Интересно, что именно монахи были вовлечены в знаменитый случай византийского *промышленного* шпионажа: похищение тутовых шелкопрядов из Китая. Согласно Прокопию и Феофану, два несторианских монаха предложили выкрасть у китайцев тайну шелка так, чтобы византийцы смогли выращивать его сами. Другие священники, монахи и религиозные деятели появляются в византийской практике разведки, и это отражено даже в арабских документах, как отмечает Аль-Асмари в главе 6 этой книги. В 756 и 757 годах Феодор, патриарх Антиохии, был выслан Селимом Дамасским за то, что «раскрывал их дела в письмах к императору Константину». Феофан спешит заметить, что это было ложным обвинением. (53) В сборнике об управлении государством, созданном Константином VII Рожденным в пурпуре, мы читаем, что странствующие монахи действовали для империи в качестве секретных курьеров, и, возможно, шпионов, в интригах против армянских князей. (54) Не стоит сильно удивляться роли религиозной организации в деятельности разведки. Частично можно указать на сильную связь православного христианства с троном, что помогает понять действия Патриарха Феодора, который видел в Константине защитника веры от сатанинских «агарян» (то есть, «сыновей Агари», как византийцы часто называли мусульман, и этот термин все еще используется в русской православной церкви). (55)

Та же самая «симфония» церкви и государства неизбежно сделала византийское духовенство и монашеское сообщество частью административных систем империи (56) – и, с 1039 до 1448, когда константинопольские епископы служили в Киеве и Москве, также главной части русской административной системы (57). И таким образом они оба стали внутренней частью государства безопасности и время от времени даже были присоединены к различным частям правительства. Наиболее глубоко они были вовлечены, когда церковь чувствовала, что безопасности государства угрожают еретические секты. Когда церковь обнаруживала ересь, на ересь со всем весом обрушивалась вся сила государства. Любое православное государство принимало духовное руководство от константинопольского патриарха, и так как император был защитником церкви, то любое действительно православное государство по определению было союзником империи – Болгария стала ее врагом в десятом веке, объявив свою церковь автокефальной, то есть, независимой от Константинополя.

Так работа таких людей, как Константин («Кирилл») и Мефодий по созданию кириллицы, и сохранению частей того, что является теперь Моравией и Румынией в рамках имперского сообщества, исключая при этом влияние Рима, была ключом в превращении потенциальных противников в верноподданных единственной истинной «святой католической и апостольской церкви» Константинополя. (58)

Это очень близко к советскому идеалу распространения коммунистической идеологии, чтобы обеспечить себе союзников, и дипломатических и военных, по всему миру, а злоба, распространявшаяся Москвой против любой отходящей от генеральной линии идеологии, была так же сильна, как злоба Патриархата против не православных церквей, которые включали и его главного конкурента, Рим. Экзистенциальную роль, которую церковь играла в безопасности империи, невозможно переоценить.

Империя, какой бы унитарной и централизованной она ни казалось, неизбежно зависела от своих губернаторов и генералов. Во времена правления императора Константа II (641 -668) империю защищало то, что называлось «фемной системой». Фемы являлись провинциями, которыми управляли военные губернаторы, и защищались ополченцами из поселенных там бывших солдат. (59) Войска фем были, таким образом, в значительной степени статичны и непрофессиональны, поэтому их поддерживала тагма, меньший по численности имперский полевой отряд профессиональных воинов, дислоцировавшийся около столицы. Хуже того, с середины седьмого до начала десятого века империя оборонялась на многих фронтах, была окружена врагами, и у нее никогда не было достаточно мно-

го войск, чтобы сразу справиться со всеми противниками. Соответственно, большая часть ежедневной защиты империи была делегирована губернаторам фем, которые должны были в меру своих сил поглощать нападения, вести партизанскую войну и беспокоящие действия маленькими подразделениями, и надеяться, что силы тагмы смогут прийти вовремя, чтобы помочь в уничтожении врага, когда он уходил, нагруженный добычей. (60) Эдвард Люттвак убедительно утверждает, что эта «упругая», «гибкая» оборонительная система удовлетворяла более ограниченным военным средствам империи и, естественно, уделяла большое внимание разведке. (61)

Кроме того, враги государства менялись, и полевые командующие армией должны были знать, с кем они сражаются, чтобы знать, как они собираются сражаться. Как говорит великий император-воин Маврикий (582-602) в своем «Стратегиконе»: «Рассказав в доступной форме о построениях и способах боевого руководства кавалерией, без чего, как мы полагаем, невозможно успешно сражаться с врагами, необходимо также описать боевые порядки и обычаи каждого народа, представляющего опасность для империи, чтобы те, кто намерены воевать против них, смогли бы надлежащим образом к ним приспособиться, использовав то, что нами изложено. Ведь не все народы используют один и тот же боевой порядок и сражаются одними и теми же способами, так что против всех нельзя сражаться как-то одинаково». (62) После этого следует описание тактики, методов, и процедур многих соседних народов, и из этого описания мы можем осознать существование больших разведывательных структур, которыми располагали византийцы.

Труд Константина VII «De Administrando Imperio» («Об управлении империей») является написанным для юного сына императора в критическом духе справочником по внешней политике и дипломатии, и много места в нем занимают детализированные описания соседних народов империи, их внутренней политики, и того, как империя могла бы лучше всего обращаться с ними. Ромилли Дженкинс, редактор этого труда, отмечает, что часть материала в этом «секретном и конфиденциальном документе» явно получена из секретных источников. (63) Мы также знаем, что, хотя Константин создал эту работу за долгие годы своего вынужденного безделья, часть материала взята из других, более ранних источников (64)

Была ли в Византии система, посредством которой информация от дипломатов, губернаторов, церкви, Бюро Варваров, логофетов, и других источников собиралась и направлялась потребителям в правительстве и в военном командовании? У нас нет никакой информации, чтобы указать, имело ли это место, но возмож-

но, что в некотором отношении такая система существовала перед началом тринадцатого столетия.

Чтобы понять полноту византийского подхода к разведке, нужно взглянуть на многочисленные военные руководства, изданные для наставления как императоров, так и губернаторов. В те века, когда империя оборонялась, основной упор делался на знание врага и на попытку предсказать его агрессивные действия, чтобы фемно-тагматическая система обороны могла функционировать. У военных губернаторов должно было быть информационное преимущество над их противниками, чтобы позволить своим меньшим силам эффективно справляться с более многочисленными полевыми армиями различных врагов. Поэтому шпионаж рассматривался как неотъемлемая часть и работы губернатора, и военной стратегии. Прежде всего, эти военные наставления уделяют большое внимание стандартной военной практике «большого количества компетентных и заслуживающих доверия лазутчиков». (65) Но рекогносцировка с использованием лазутчиков это не полное решение для обороны, отмечает другая работа десятого столетия названная «Организация кампании», учитывая, что «действующие шпионы, однако, являются самыми полезными. Они входят в страну врага и могут точно узнать, что происходит там, и доложить об этом тем, кто послал их». Интересна универсальность обязанности шпионить и среди кого: «Доместик [византийский эквивалент командующего сухопутных войск назывался «доместик схол»] и генералы вдоль границы обязательно должны иметь шпионов не только среди болгар... [но также и среди всех соседних народов, даже тех, с которыми Византия состоит в мире,] так, чтобы ни один из их планов не был нам неизвестен». (66) Шпионаж был работой всех полевых командиров, и центральных и провинциальных, и против всех соседних стран. Все были потенциальным врагом или союзником.

Тексты уделяют некоторое место профессиональным приемам шпионажа. Мы видели, как византийцы занимались шпионажем под дипломатическим прикрытием на высшем уровне; на более низком уровне они также использовали деловое или коммерческое прикрытие. Они понимали, что работали во враждебном окружении и должны были обращать особое внимание на соблюдение безопасности. Автор «О стратегии» отмечает:

«Прежде чем уехать на свое задание, каждый шпион должен секретно сказать о своей миссии одному из его самых близких партнеров. И должен согласовать меры для того, чтобы безопасно общаться друг с другом, устанавливая определенное место и способ встречи. Таким местом мог быть общественный рынок, на котором собираются многие из наших людей, так же как иностранцы. Способом

могла быть встреча под предлогом торговли. Так они смогут избежать того, что враг заметит их. Один предлагает наши товары для продажи или обмена, и другой дает иностранные товары взамен и сообщает нам о планах врага против нас и ситуации в их стране». (67)

Из-за природы коммуникаций в древнем мире – несмотря на быстрых имперских курьеров – губернаторы фем должны были поддерживать отношения со своими соответствующими магнатами в соседних областях. Эти отношения должны использоваться, отмечает Никифор, в целях разведки. С помощью игры с обманом, из-за которой византийцы заслужили такое презрение к себе у более поздних западных крестоносцев и у историков викторианской Англии, местный губернатор «должен притворно подружиться с эмирами, которые управляют замками в приграничных регионах. Он должен также писать им письма и отсылать к ним людей с корзинами подарков. Как результат, благодаря всему этому движению туда-сюда, генерал сможет получить ясную картину планов и намерений врага». (68) Как и автор «О стратегии», император предлагает, чтобы губернатор всеми силами старался узнавать все о противнике: «Он должен также делать так, чтобы купцы ехали туда», чтобы шпионить. (69) Византийские лидеры, однако, не были слишком уж классово сознательными, и также «посылали шпионов, замаскированных как нищие», как писал Лев Диакон. (70)

У византийцев, как можно видеть, была очень хорошо развитая концепция роли и практики разведки. В отличие от любого другого организованного государства до Нового времени, они поддерживали *организованные бюрократическим образом* структуры безопасности (хотя у них никогда не было какой-то одной определенной разведывательной организации), которые из века в век обеспечивали лидеру и полевым командирам постоянный поток информации о внешних и внутренних врагах государства. Все уровни государственного лидерства занимались шпионажем за вездесущими противниками императора, что близко соответствует описанию Дзиаком контрразведывательного государства. Роль всей структуры управления состояла в том, чтобы «если говорить кратко, быть уверенным в том, что ничто, о чем [мог бы подумать враг], не ускользнет от нас». (71)

Поскольку все, кто не был православным или византийцем, были почти по определению противниками, разведка должна была быть постоянной и естественной частью управления. Люттвак убедительно утверждает, что двумя ключевыми принципами византийского «рабочего кода» были: «собирать разведывательную информацию о враге и его менталитете, и постоянно контролировать его движения», и «подрывная деятельность – путь к победе». (72) Этих посто-

янные и всеобъемлющие потребности в разведке и упор на секретных операциях сделали византийцев отличным от их предшественников в Риме, Греции, и в других местах – и были частью того, что связывает их с современной Россией.

Отражения византийской разведки в современной России

Зная о том, что в русской культуре вообще есть сильная связь с византийством, и затем соединив это с тем, что мы можем построить из византийской традиции разведки, мы смогли бы таким образом увидеть, есть ли в недавней и текущей российской практике значимые артефакты византийского государства безопасности. Если повторить момент о политическом наследовании, упомянутый в введении этого сборника, «народ и правители Киевского государства имели хорошие возможности для того, чтобы познакомиться с главными принципами византийской политической философии... [и] можно заметить, что многие византийские идеи были включены в политическую структуру Киевского государства, и что они стали основанием для дальнейшего развития России». (73) Установление прямого предшествования не является целью этой главы, да это и все равно не возможно. Также ясно, что византийские письменные источники о шпионаже и разведке на самом деле очень скудные в пределах и так ограниченного литературного наследия Византии – например, мы никогда не сможем с уверенностью сказать, что Россия когда-либо была под непосредственным влиянием византийских военных трактатов. Здесь же разговор идет о том, что тот способ, которым византийцы управляли своей безопасностью и разведкой, был функцией политической культуры государства, и это была та же самая политическая культура, которая была унаследована позже Киевским, а затем российским государством, и она служила советскому и последующему пост-советскому российскому государству.

Есть связи, которые показывают, что у царского, и затем у советского аппарата безопасности есть византийская родословная, основанная на унаследованной политической культуре. Секретная канцелярия, или «Приказ тайных дел», описывался российскими историками как личная канцелярия царя в семнадцатом столетии. Первоначально его возглавлял секретный клерк, называвшийся «дьяк». Это слово интересно, потому что этимологически оно происходит от греческого слова «diakonos» (дьякон), монашеское или церковное звание, что намекает на сильную роль византийского церковного управления в Киевской и ранней Московской Руси. Главной функцией тайного Приказа был контроль и других приказов, и других чиновников царя, таких как дипломаты и офицеры, о которых дьяк сообщал непосредственно суверену. (74) Организацией-

преемником Приказа стала в восемнадцатом столетии Тайная розыскных дел канцелярия. Под руководством А.Я. Ушакова, ветерана предыдущей секретной канцелярии, эта структура контролировала расследование политических подозреваемых всюду в империи и взяла на себя непосредственную ответственность за самых опасных преступников. (75) Эти организации имеют сходство, в бюрократических терминах, с «логофетами» и «секретумом» Византии десятого столетия, что неудивительно, учитывая церковное происхождение обоих. Именно в этих организациях, смоделированных, по крайней мере, частично на византийских методах управления, мы находим предшественников современного российского аппарата безопасности. (76)

Чека, НКВД, и, в конечном счете, КГБ все были преемниками Охраны, «по крайней мере, в равном размере и в более беспощадном характере, если, в некотором смысле, и в другой форме». (77) ФСБ и СВР образовались из советских структур намного легче.

Нельзя найти какой-то определенный признак византийской бюрократической организации в организации советского и последующего российского государства, но в духе, в способе, которым Советы организовывали свое правительство в целях безопасности, оно все еще остается полностью русским. Некоторые утверждали бы, что в своем контроле органов безопасности государства, Советский Союз Иосифа Сталина вел себя имперским образом и формирует модель контрразведывательного государства Дзиака. Как и в византийской системе, Эми Найт заметила, что в ранней постсоветской России «президент 'направляет деятельность' служб безопасности, и [закон] полностью уменьшает роль парламентского надзора». (78) Другие наблюдатели отмечали, как упомянуто выше, что правительство и элиты современной России в значительной степени происходят из среды секретных служб. (79) Как и их византийские предки, Советы не делали особого различия между «открытым» и «тайным» в преследовании врагов государства. Дипломатия в западном использовании пытается провести широкую линию между ее надлежащим истинным функционированием и закулисными методами государственных служб разведки, до той степени, когда организациям, таким как британская Секретная разведывательная служба (SIS или MI-6) поручают определенные задачи «тайной дипломатии», куда у их коллег из министерства иностранных дел нет доступа. (80) Советский термин «активные мероприятия» включает как открытые, так и тайные операции в целях оказания влияния на зарубежные страны, тогда как большинство других терминов, используемых на Западе, сосредотачивается на тайном. (81) Как указывают Ричард Шульц и Рой Годсон, термины «специальные действия» и «тайные операции» склоняются к тому, чтобы указывать на то, что они сделаны из отдель-

ного материала из вещества сущности внешней политики, но «в советском представлении... никакие такие различения не очевидны». (82) Тогда как посол какой-то западной страны мог бы отказаться от преднамеренного обмана собеседника из страха утраты доверия, византийский, русский или советский дипломат не стал бы в таком случае противиться, о чем свидетельствует история советской дипломатической дезинформации, окружающей Карибский кризис.

Что касается чисток и показательных процессов в сталинской России, у нас есть достаточные доказательства аналогичных процессов в византийском государстве. Феофан пишет о поведении Юстиниана после обнаружения заговора против него со стороны некоего Ираклия:

«Ираклий также связанный приведен был из Фракии со всеми военачальниками, которые с ним служили, и все они повешены на стенах. Потом послал розыски во все внутренние земли, и замешанных, и незамешанных всех убил, но Апсимара и Леонтия в оковах велел влачить по всему городу, и между тем как совершались конские ристалища, и он сидел под своим балдахином, притащили их и бросили к ногам его. До окончания игр он попирал их выи, а народ между тем кричал: на аспида и василиска наступил и попрал льва и змия. Потом он отослал их и на Собачьем рынке велел отрубить головы. Патриарха Каллиника, лишив зрения, изгнал в Рим, и на место его определил Кира, заточенного на острове Амастрисе, который предрек ему второе восстановление его. Бесчисленное множество и гражданских, и военных чиновников погубил он; многих потопил в море, бросая в мешках, иных приглашал на обед, и когда вставали от стола, то иных вешал, иных рубил, и великий страх овладел всеми». (83)

Если в этой истории заменить имена Ираклия и Каллиника на Тухачевского и Зиновьева, а на месте Юстиниана представить Сталина, она сохраняет пугающую степень точности. Такие по-советски звучащие истории повторяются в «Алексиаде» Анны Комниной, которая отмечает даже использование ее обожаемым отцом пыток для раскрытия заговоров против него. (84)

Русские и византийцы также разделяют склонность к избавлению от диссидентов особенно зверским способом. Как болгарская тайная полиция убила Георгия Маркова в Лондоне, а НКВД – Льва Троцкого в Мексике, так и византийцы были готовы и способны уничтожать врагов государства за границей. После заключения мирного договора с болгарами император Константин V «тайно послал в Болгарию и схватил Севера, правителя славянского, который прежде причинил много бедствий во Фракии. Задержан был также Христин, переметчик из христиан, предводитель разбойников, которому в пристани святого Фомы отсекли

руки и ноги, потом отдали врагам, и они еще живого взрезали его от пупа до грудной полости для наблюдения внутреннего устройства человека и наконец предали его сожжению». (85)

Взгляните на то, что описано здесь: имперские агенты не просто казнят предателя, они также похитили его и возвратили его на территорию империи, чтобы казнить его публичной впечатляющей казнью. Примеры такой «чрезвычайной выдачи преступника» несколько раз отмечены в византийских текстах. Отравление Александра Литвиненко, предположительно, его бывшими коллегами-чекистами не показалось бы странным для византийцев в любом аспекте кроме конкретного метода. Они, вероятно, искренне согласились бы с необходимостью убийства.

Для византийцев различные группы населения, проживавшие вдоль границ, были причиной тревоги и хлопот, и потому их насильственно выселяли с родных мест и переселяли в те части империи, где у них было меньше возможности нанести ущерб. Еретики Athenganoi («ацингане», «атингане»), павликиане, и большая часть армянской аристократии были переселены между восьмым и десятым столетиями, «чтобы удалить непокорные элементы, которые, если бы их оставили на их родине, возможно, стали бы серьезными источниками проблем». (87) Такие принудительные переселения населения, чаще всего меньшинств, в которых видели угрозу безопасности, были частым методом Сталина, который взял тринадцать национальных меньшинств, «насчитывавшие больше двух миллионов человек, [и] в полном составе выслал [их] во внутреннюю ссылку». (88) Это произошло даже в посткоммунистической России, хотя в намного меньшей степени. (89)

Помимо этого, однако, есть еще и общий климат безопасности. Как и византийцы, Россия на протяжении большей части своего политического существования рассматривала себя как страну, окруженную угрозами. Как писал Джордж Кеннан в своей знаменитой «Длинной телеграмме»: «У истоков маниакальной точки зрения Кремля на международные отношения лежит традиционное и инстинктивное для России чувство незащищенности. Изначально это было чувство незащищенности аграрных народов, живущих на обширных открытых территориях по соседству со свирепыми кочевниками. По мере налаживания контактов с экономически более развитым Западом к этому чувству прибавился страх перед более компетентным, более могущественным, более организованным сообществом на этой территории. Но эта незащищенность внушала опасение скорее российским правителям, а не русскому народу, поскольку российские правители осознавали архаичность формы своего правления, слабость и искусственность

своей психологической организации, неспособность выдержать сравнение или вхождение в контакт с политическими системами западных стран. По этой причине они все время опасались иностранного вторжения, избегали прямого контакта между западным миром и своим собственным, боялись того, что может случиться, если русский народ узнает правду о внешнем мире или же внешний мир узнает правду о жизни внутри России. И они искали пути к обеспечению своей безопасности лишь в упорной и смертельной борьбе за полное уничтожение конкурирующих держав, никогда не вступая с ними в соглашения и компромиссы». (90)

Здесь трудно разделить причинно-следственную связь и взаимосвязь. Византийцы и русские выглядят подобными потому, что они разделяют, в произвольном порядке, похожее мировоззрение? Или же они, наоборот, разделяют похожее мировоззрение из-за их общего религиозного/идеологического фона? Здесь «слоеный торт» культуры и толщина прошедших столетий истории приводят к тому, что трудно дать категорический ответ.

Один из самых любопытных аспектов текущей российской среды безопасности – возрождение религии. В «Концепции национальной безопасности» 2000 года правительство Путина заявило, что «обеспечение национальной безопасности Российской Федерации включает также защиту культурного и духовно-морального наследия и исторических традиций и стандартов общественной жизни, и сохранение культурного наследия народов всей России. Необходима государственная политика, направленная на поддержание духовного и морального благополучия народа, нужно запретить использование эфирного времени для пропаганды насилия или низменных инстинктов, и противостоять вредному воздействию иностранных религиозных организаций и миссионеров». (91) Здесь мы видим самую высокую власть, непосредственно связывающую здоровье традиционной религии России, православия, с безопасностью государства. Несколько важных исследовательских работ определили, что эту «тенденцию рассматривать религиозные расхождения как, по крайней мере, частично потенциальную угрозу безопасности разделяет как Православная церковь, так и Владимир Путин, и, по-видимому, нынешнее правительство. (92) Не менее интересным является тот факт, что Путин, по всей видимости, сам практикующий православный, обеспечил то, что в 2002 году Федеральная служба безопасности (ФСБ) повторно освятило свою традиционную православную часовню на Лубянке. Это, как написала Джули Элкнер, «торжественно узаконило особые отношения между ФСБ и Русской православной церковью (Московского патриархата)». (93) Заместитель директора ФСБ Владимир Шульц приветствовал освящение церкви как «исключительно символическое событие», что, как предполагает

Элкнер, нужно рассматривать «в свете сложной и драматической истории отношений между тайной полицией и Православной церковью». (93) Один комментатор убедительно описал, как Министерство иностранных дел России использовало православную церковь как инструмент для контроля русских эмигрантских сообществ вне России через воссоединение Русской православной церкви заграницей с Патриархатом в Москве. (94)

Хотя Джон Андерсон связывает это усиливающееся государственное православие с политизированным патриаршеством при Петре Великом, при более детальном рассмотрении становится ясно, что на самом деле у традиции политизированной государственной религии куда более длинная родословная, и можно заметить подобие с византийскими представлениями об этой теме, уходящими почти на тысячелетие в прошлое.

Интересно будет увидеть, продолжится ли этот взгляд с нынешним уровнем энергии, как только Путин покинет политическую сцену. Невзирая на это, уже одно то, что православие настолько возродилось в России после семидесяти лет навязанного атеизма, показывает устойчивость культурной привычки на долгий срок. Это подкрепляет наш аргумент в заключении этого сборника, что культура – это индикатор не того, *что* делают, а того, *как* делают.

Эхо империи

Это отнюдь не так, что Россия связана исключительно одним своим византийским наследием, поскольку, хотя есть много общих черт, различия тоже имеются в большом количестве. Как было сказано во введении этого сборника, есть просто слишком много необъяснимых переменных, которые ученые просто не могут распутать. На каждой стадии российской истории, начиная с основания Киевского и Московского государств, русские как народ были уникальной и независимой силой в европейской и азиатской истории. На протяжении веков было много влияний на Россию, каждое накладывалось сверху другого как слои в пироге: византийское, монгольское, западноевропейское, и правление таких сильных личностей как Иван IV, Петр Великий, Ленин и Сталин, которые формировали историю и культуру с полной силой индивидуальности. Но так же, как библеисты и палеографы ищут «первоначальный, исходный текст», когда прослеживают историю своей работы, так и в области разведки и безопасности можно искать некий источник поведения, который предшествуют любому будущему развитию. В России ясный источник этого можно увидеть в истории Византийской Империи.

Важность этого особого аргумента нельзя ни преувеличивать, ни игнорировать. Как объяснялось выше, должно быть ясно, что русские – это свой собственный народ, с политической и социальной волей помимо их культурных прародителей. Когда же страны Запада, наоборот, пытаются понять поведение российского государства – или историческое поведение его советского или царского предшественника – им требуются ключи, чтобы отпереть это поведение и понять его. Особенно когда вы имеете дело с поведением России в ее культуре безопасности и ее проявлением в разведке, здесь явно действует наследие, существенно отличающееся от наследия западноевропейских и англосаксонских государств. Проведя параллели в истории великой империи Константинополя можно заглянуть вглубь многих русских поступков и поведения.

Можно ли распространить аргумент, приведенный здесь о византийском наследии России, на другие государства византийского содружества, такие как Румыния, Болгария, Сербия, и самый близкий наследник Византии, Греция? Возможно, до некоторой степени. Здесь нужно было бы также учитывать не только повторно импортированное российское влияние коммунистической эры, но также и более пятисот лет османской оккупации – и характерное правление турок через их правителей-клиентов, драгоманов и господарей, часто греков-фанариотов, которое, хоть и чрезвычайно греческое, было более клерикальным по своей манере. (95) Греция во время «Режима полковников» (правая военная диктатура, известная в СССР как «хунта черных полковников», хотя ни западные страны, ни сами греки не использовали слово «черные» – прим. перев.) была очень авторитарна и имела все особенности полицейского государства, и у Болгарии и Сербии были очевидные проблемы из-за их авторитарных культур безопасности, начиная с их посткоммунистической независимости. Все же так же явно государства, такие как Румыния (известная своей сильной политической фанариотской культурой уже в девятнадцатом веке (96)) радикально изменили свою политическую культуру после окончания коммунистического правления и встали на трудный курс к демократии и подотчетной структуре безопасности западноевропейского типа. (97) В конечном счете, как указано в другом месте в этой книге, как утверждал Сомерсет Моэм, ясно, что «традиция – это проводник, а не тюремный надзиратель».

Эпиграф и признание

Димитер Г. Ангелов – Dimiter G. Angelov, *Byzantinism: The Imaginary and Real Heritage of Byzantium in Southeastern Europe*, in Dimitris Keridis, Ellen Elias-Bursać, Nicholas Yatromanolakis, *New approaches to Balkan studies*, Brassey's, 2003,, 2003), 3. Автор признает, что более ранняя версия этой главы была издана под названием «Эхо Империй» (Echo of Empires) в Journal of Slavic Studies 23, no. 4 (2010): 574-96.

Примечания

1. Dimitry Obolensky, Byzantium and the Slavs (Crestwood, NY: St. Vladimir's Seminary Press, 1994).

2. Edward Lucas, The New Cold War (New York: Palgrave, 2008).

3. Reuel Marc Gerecht, «A Rogue Intelligence State? Why Europe and America Cannot Ignore Russia,» European Outlook (American Enterprise Institute), no. 2 (2007): 1.

4. Olga Kryshtanovskaya and Stephen White, «Putin's Militocracy,» Post-Soviet Affairs 19, no. 4 (2003): 289.

5. See Amy Knight, Spies without Cloaks: The KGB's Successors (Princeton, Princeton University Press, 1998), in passim; Gerecht, «Rogue Intelligence State? ; and Kryshtanovskaya and White, «Putin's Militocracy.»

6. Knight, Spies without Cloaks, 244.

7. Obolensky, Byzantium and the Slavs, 83.

8. G. Ostrogorsky, History of the Byzantine State, translated by J. Hussey (New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1957), 509.

9. О менее оптимистическом взгляде на влияние Византии на Россию см. J. L. Fennell, Ivan the Great of Moscow (New York: Macmillan, 1961), 319-20.

10. Cornelius Krahn, «Messianism-Marxism», Journal of Bible and Religion 31, no. 3 (July 1963): 211.

11. F.L. Cross and E. A. Livingstone, eds., Oxford Dictionary of the Christian Church, 2nd (Oxford: Oxford University Press, 1983), 218. См. также Edward Luttwak, The Grand Strategy of the Byzantine Empire (Cambridge, MA: Belknap Press, 2009), 137.

12. Dimitri Stremooukhoff, «Moscow the Third Rome: Sources of the Doctrine,» Speculum 28, no. 1 (January 1953): 85.

13. Obolensky, Byzantium and the Slavs, 79.

14. J.S. Duncan, Russian Messianism: Third Rome, Revolution, Communism and After (London: Routledge, 2000), 11.

15. Stephen Schenfield, Russian Fascism: Traditions, Tendencies and Movements (London: E Sharpe, 2001), 29; Richard Pipes, Russian Conservatism and Its Critics: A Study in Political Culture (New Häven, CT: Yale University Press, 2007), 148-49.

16. Obolensky, Byzantium and the Skvs, 101.

17. John J. Dziak, Chekisty: A History of the KGB (Lexington, MA: Lexington Books, 1988), 4.

18. Arnold J. Toynbee, A Study of History, 2nd ed. (London: Oxford University Press, 1948), 320-408; о цезаропапизме см. 164-83.

19. Dimitri Obolensky, Byzantine Commonwealth: Eastern Europe 500-1453 (London: Phoenix, 2000).

20. Zoe Katerina Knox, Russian Society and the Orthodox Church: Religion in Russia after Communism (London: Routiedge, 2004), 170-71.

21. Nikolas Oikonomides, «The Role of the Byzantine State in the Economy», in The Economic History of Byzantium, edited by Angeliki E. Laiou (Washington, DC: Dumbarton Oaks, 2007), 973, www.doaks.org/resources/publications/doaks-online-publications/byzantine-studies/the-economic-history-of-byzantium/ehb44-state-and-the-economy.

22. Dziak, Chekisty, 2.

23. Там же, 1.

24. Там же, 2.

25. Branko Milanovic, «An Estimate of Average Income and Inequality in Byzantium around Year 1000,» Review of Income and Wealth 52, no. 3 (September 2006): 450. См. также Angeliki E. Laiou and Cecile Morrisson, The Byzantine Economy (Cambridge: Cambridge University Press, 2007), chap. 4 passim.

26. John Haldon, Byzantium at War (New York: Osprey, 2001), 74.

27. Luttwak, Grand Strategy, 416.

28. Haldon, Byzantium at War, 74.

29. Dziak, Chekisty, 2.

30. Procopius, Secret History, xxx.

31. Alexander Kazhdan, ed., Oxford Dictionary of Byzantium (Oxford: Oxford University Press, 1991), 37. См. также Louis Brehier, Les Institutions de l'Empire Byzantin (Paris: Editions Albin Michel, 1949), 327.

32. William J. Sinnegen, «Two Branches of the Roman Secret Service,» American Journal of Philology 80, no. 3 (1959): 238-54.

33. John Bagnall Bury, Philotheus: The Imperial Administrative System of the Ninth Century, with a Revised Text of the Kletorologion of Philotheos (London: Oxford University Press, 1911), 106.

34. Anna Comnena, The Alexiad, translated by E. R. A. Sewter (New York: Penguin, 2004), 186, 261, 282.

35. Comnena, Alexiad, 201, 384.

36. Michael Psellus, ed., Fourteen Byzantine Rulers, translated by E. R. A. Sewter York: Penguin, 1996), 43.

37. Comnena, Alexiad: «was not unaware,» 184, 202, 278, 297; «reliable inforrnation» 130; «informants,» 142.

38. Kekaumenos, Strategikon, para. 78. www.acad.carleton.edu/curricular/MARS/Kekmenos.pdf.

39. Peter Edbury, «Crusader Sources from the Near East,» in Byzantines and Crusaders ' Non-Greek Sources 1025-1204, edited by Mary Whitby (Oxford: Oxford University Pres 2007), 29.

40. Kazhdan, Oxford Dictionary, 1248.

41. Michael Antonucci, «War by Other Means: The Legacy of Byzantium,» History Toda\ 43, no. 2 (1993): 11-13.

42. Theodosius II, Novitia. 21.

43. Bury, Philotheus, 93.

44. Anonymous, On Strategy, in Three Byzantine Military Treatise on Strategy, edited by George T. Dennis (Washington, DC: Dumbarton Oaks, 1985), para. 43/p. 125.

45. Liudprand of Cremona, «The Embassy of Liudprand of the Cremonese Bishopric to the Constaninopolitan Emperor Nicephoros Phocas on Behalf of the August Ottos & Adelheid,» in The Complete Works of Liudprand of Cremona, translated by Paolo Squatriti (Washington, EXZ1: Catholic University of America Press, 2007), 238.

46. Warren Treadgold, «Notes on the Numbers and Organisation of the Ninth-Century Byzantine Army», Greek, Roman, and Byzantine Studies 21 (1980): 269.

47. Brehier, Institutions de l'Empire, 307.

48. On Strategy, para. 43/p. 126.

49. Theophanes, The Chronicle of Theophanes, translated by Harry Turtledove (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1982), para. 384/p. 80.

50. Brehier, Institutions de l'Empire, 316; author's translation.

51. Obolensky, Byzantium and the Slavs, 19.

52. Procopius, De Bello Gothico, 4.17. Cf. David Jacoby, «Silk Economics and Cross-Cultural Artistic Interaction: Byzantium, the Muslim World, and the Christian West, Dumbarton Oaks Papers 58 (2004): 198.

53. Theophanes, Chronicle of Theophanes, para. 430, 119.

54. Constantine Porphyrogenitus, De Administrando Imperio, edited and translated by G. Moravcsik and R. J. H. Jenkins, book 46, 50-60.

55. John Meyendorff, The Byzantine Legacy in the Orthodox Church (Crestwood, NY: St. Vladimir's Seminary Press, 1982), 93. See also A. Laiou, «On Just War in Byzantium,» in Studies in Honor of Speros Vryonis Jnr, edited by S. Reinert, J. Langdon, and J. Allen (New Rochelle, NY: Aristide D. Caratzas, 1993), I, 153-74; N. Oikonomides, «The Concept of 'Holy War' and Two Tenth-Century Byzantine Ivories,» in Peace and War in Byzantium: Essays in Honor of George T. Dennis S.J., edited by T. S. Miller and J. Nesbitt (Washington, Dumbarton Oaks, 1995), 62-86.

56. Meyendorff, Byzantine Legacy, 8.

57. Obolensky, Byzantium and the Slavs, 109.

58. Dimitri Obolensky, Six Byzantine Pcrrtraits (Oxford: Oxford University Press, 12-13.

59. John Haldon, Byzantium in the Seventh Century (Cambridge: Cambridge University Press, 1990), 208ff.; некоторые ученые считают, что оно было создано при императоре Ираклии, около 640 года. См. Treadgold «Notes,» passim; and Romilly Jenkins, Byzantium: The Imperial Centuries (London: Weidenfeld & Nicolson, 1966), 16.

60. J.F. Haldon and H. Kennedy, «The Arab-Byzantine Frontier in the Eighth and Ninth Centuries: Military Organisation and Society in the Borderlands» , in The Byzantine and Early Islamic Near East, edited by H. Kennedy (Aldershot, UK: Ashgate, 2006), 79-81.

61. Luttwak, Grand Strategy, 5-6, 416.

62. Maurice, The Strategikon, translated by George T. Dennis (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1984), book XI, para. 1, 113.

63. Constantine VII, 13.

64. Константин VII был сначала под регентством, потом правлением, бывшего адмирала Романа Лакапина, который сам сделал себя императором и правил с 922 по 940. Только после смерти Романа Константин VII стал единственным императором.

65 Nikephoros Phokas, attrib., On Skirmishing, in Three Byzantine Military Treatises, translated by George T. Dennis, 163.

66. Anonymous (ca. 960 CE), Campaign Organisation, in Three Byzantine Military Treatises, 293.

67. On Strategy, para. 42, 123.

68. On Skirmishing, para. 7, 163.

69. Там же.

70. Leo the Deacon, The History, translated by Alice-Mary Talbot and Denis Sullivan (Washington, DC: Dumbarton Oaks, 2005), book VII, para. 5, 168.

71. Campaign Organization, para. 18, 293.

72. Luttwak, Grand Strategy, 416-17.

73. Francis Dvornik, «Byzantine Influence on the Kievan State,» Dumbarton Oaks Papers 9 (1956): 76.

74. Daniel Tarschys, «Secret Institutions in Russian Government,» Soviet Studies 37, no. 4 (October 1985): 528.

75. Tarschys, «Secret Institutions,» 529.

76. Там же, 532.

77. Christopher Andrew and Oleg Gordievsky, KGB: The Inside Story (London: Hodder &. Stoughton, 1998), 28.

78. Knight, Spies without Cloaks, 221.

79. Andrei Soldatov and Irina Borogan, The New Nobility: The Restoration of Russia's Security State (New York: PublicAffairs, 2010), 28-29.

80. Len Scott, «Secret Intelligence, Covert Action and Clandestine Diplomacy», Intelligence and National Security, 19, no. 2 (2004): 335.

81. Там же, 323.

82. Richard Shultz and Roy Godson, Dezinformatsia: The Strategy of Soviet Disinformation (New York: Berkley Books, 1986), 16.

83. Theophanes, Chronicle of Theophanes, para. 375, 71-72.

84. Comnena, Alexiad, 384.

85. Theophanes, Chronicle of Theophanes, para. 436, 125.

86. См. Alex Goldfarb and Marina Litvinenko, Death of a Dissident: The Poisoning of Alexander Litvinenko and the Return ofthe KGB (London: Free Press, 2007).

87. Peter Charanis, «The Transfer of Population as a Policy in the Byzantine Empire,» Comparative Studies in Society and History 3, no. 2 (January 1961): 151.

88. J. Otto Pohl, «Stalin's Genocide against the 'Repressed Peoples",«Journal of Genocide Research» 2, no. 2 (2000): 267.

89. B. Nahajlo, «Forcible Population Transfers, Deportations and Ethnic Cleansing in the CIS: Problems in Search of Responses,» Refugee Survey Quarterly 16, no. 3 (1997).

90. George Kennan, «The Long Telegram,» cable, Embassy in Moscow to State Department, February 22, 1946.

91. Vladimir Putin, «2000 Russian National Security Concept,» www.russiaeurope.ru/russiastrat2000.html.

92. John Anderson, «Putin and the Orthodox Church: Asymmetrie Symphonia?» Journal of International Affairs 61, no. 1 (2007): 195.

93. Julie Elkner, Spiritual Security in Putin's Russia, History and Policy Paper 26, July 2005, www.historyandpolicy.org/papers/policy-paper-26.html#summ.

94. Daniel P. Payne, «Spiritual Security, the Russian Orthodox Church, and the Russjan Foreign Ministry: Collaboration or Cooptation?» Journal of Church and State 52, no. 4 (2010)

95. L. S. Stavrianos, The Balkans since 1453 (London: Hurst, 2002), 270. Фанар – это район Константинополя, который турки оставили грекам после захвата города в 1453 году, и десятилетиями после этого заселялся греками из других частей Османской империи, часто торговцами. Их знания языков использовались османами, и термин «драгоман» означал «переводчик», представитель османского губернатора, который сам предпочитал соблюдать дистанцию с местным населением.

96. Там же, 692.

97. Larry L. Watts, «Intelligence Reform in Europe's Emerging Democracies: Conflicting Paradigms, Dissimilar Contexts,» Studies in Intelligence 48, no. 1 (2004).

Велесова Слобода, 2015 год

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> **Новости сайта Велесова Слобода**.